

16+

Надежда Лезина
Фантазия для голоса со слезами

Рассказы

Надежда Лезина

Фантазия для голоса со слезами

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лезина Н.

Фантазия для голоса со слезами / Н. Лезина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Героини рассказов – женщины. Разных возрастов. С разными судьбами. Они сомневаются, ошибаются, смеются и плачут. Они такие разные, но объединяет их одно – все они хотят быть счастливыми, любить и быть любимыми. Написать письмо с признанием и сжечь его? Пойти в ЗАГС под чужим именем? Встречаться с нелюбимым, чтобы вернуть своего единственного? Каждая ищет свой путь, у каждой своя "азбука женского счастья". И у каждой свои представления о жизни, свои фантазии.

Содержание

Без любви	5
Игра в жизнь	9
Nina Ricci	12
Шуба	14
Сладчайший	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Без любви

Традиционный вечерний набор – шампанское, бокал, сигареты, зажигалка, пепельница, ТВ-пульт. Щелкнула кнопкой. На экране Звездинский пел «Поручика Голицына». «Не па-айте духа-а-а-м, па-ару-чик Га-али-цы-ы-ын...», – наливая золотистый напиток в сверкающий хрустальный фужер, подпевала с чувством. Пряди крашенных-перекрашенных волос с остатками «химии» обречённо падали на лицо. «Корне-ет Обо-ле-е-енски-ий...», – взглянула на бутылку, взяла обеими руками и с удивлением начала рассматривать этикетку. «Лев Голицынь» – чёрными буквами на золотом фоне. «Интересно... А того, в песне, как зовут?» – спросила у Звездинского, посмотрев с подозрением. Наполнила до краёв бокал: «Нале-е-ей-те вина-а-а!», – отставая от музыки почти на такт, допела уже на проигрыше. Вскинув голову, подмигнула певцу, потянулась к телевизору и на повторении припева чокнулась с экраном: «Чок, чок, каблук... Пятачок... Дурачок... Синячок... Чок!»

Чок бежал по тропинке, как обычно, уткнувшись носом в землю и виляя хвостом, что-то выискивая и вынюхивая. Его хозяин шёл в нескольких метрах позади, курил и с видимым удовольствием смотрел на бегущего по дорожке ухоженного, чистенького, причёсанного и явно чистопородного спаниеля. Пёс выглядел не просто «породным» – по окрасу и экстерьеру ему могли бы позавидовать «лучшие в породе», а точнее, владельцы тех, кому присваивают на собачьих выставках этот почётный титул – он выглядел интеллигентным! Видимо, стараясь соответствовать своему обожаемому хозяину. Хозяин же, – действительно, был интеллигент, как минимум в третьем поколении: дед – скульптор, имеющий собственную мастерскую на Верхней Масловке, предоставленную за «выдающийся вклад...» Союзом Художников, бабка – бывшая балерина, папа – инженер-конструктор, который, как неперенный атрибут интеллигентного человека, носил беретку и зимой, и летом, а мама даже на прогулки с собакой надевала шляпку. Внук заслуженного художника не получил высшего образования в силу своей природной лени и искренней убеждённости в том, что, какое бы образование он ни получил, ни одна работа не будет его достойна. Он разбирался неплохо в литературе, кинематографии, истории и живописи, серьёзно увлекался фотографией. Его чёрно-белые снимки были настолько выразительными, колоритными и неординарными по композиции, свету, настроению и способу предпечатной обработки, что вполне могли бы занять достойное место на какой-нибудь модной фото-выставке. Он причислял себя к богеме, а потому стиль его поведения, манеры, одежда и темы для разговоров выбирались (и были давно и хорошо усвоены) соответствующие. Всегда нарочито небрежно повязан шарф, трубка из вишневого дерева с дивно пахнущим табаком, слегка оттопыренный мизинец, фразы типа «позвольте полюбопытствовать», «не будете ли Вы возражать», «буду признателен», «будьте любезны» и еще пара десятков подобных анахронизмов обеспечили ему особое отношение и место среди разномастной компании собаководов. Никто, кажется, и не знал его имени: приветствуя, если доводилось встретиться на «собачьей тропе», мужики молча пожимали ему руку, а за глаза все называли «Чок». Может быть, чтобы не утруждать себя запоминанием еще одного имени, хотя собак по кличкам знали всех, но чаще всего об их хозяевах говорили: «хозяин Джуса», или «хозяйка Лоты». А, может быть, «Чок» было сокращённое от «чокнутый» – ведь всерьёз его никто не воспринимал. Гулял он со своим псом чаще всего в одиночестве и участия в общих разговорах собачников и их периодических пятнично-субботних попойках на поляне не принимал...

Лаврентий Павлович шёл не спеша, важно, не глядя по сторонам, с гордо поднятой головой. Этого кавказца, имя которому при рождении дали Шелт, боялись все – и собаки, и собачники. Завидев издали громадного, лохматого серого пса, который, казалось, сам вёл на поводке своего тщедушного хозяина, старались уйти с общей прогулочной тропинки как можно быстрее, подзывали своих собак, хватали их за ошейник, пристёгивали поводок, пря-

тались за кустами или убегали в противоположном направлении. Если же его выгуливала жена хозяина, то опасаться за жизнь своего питомца, какого бы размера и пола он ни был, причин было гораздо больше. Во-первых, женщина была настолько миниатюрной, что поверить в то, что ей удастся, в случае чего, удержать злобного кобеля, было невозможно: восемьдесят килограммов собачьего веса против её пятидесяти! Во-вторых, она плохо видела, так как страдала близорукостью. В-третьих, она сама боялась – и чужих собак, и своего пса. По поводу приобретения этой семейкой кавказской овчарки недоумевали все: дачи у них не было, в квартире тоже богатства никакого – чего охранять? Вполне бы подошла по габаритам немецкая овчарка, или эрдельтерьер. Спокойнее было б, и экономнее...

Отношение к владельцам, да и к самому Шелту изменилось сразу после того, как вышел фильм «Небеса обетованные», где Шелта сняли в роли пса по кличке Лаврентий Павлович. Помощник режиссёра заметил невероятных размеров собаку во время прогулки с хозяйкой, которая на фоне лохматущего кобеля выглядела просто ребёнком. Ну, а пёс, соответственно, на её фоне – громадиной неправдоподобной! Удивительно, что во время проб и съёмок злодей никого не покусал! Хозяева гордились «талантом» любимого Шелта, а сам он стал местной достопримечательностью: весь район знал о его кинематографических успехах, и называть его стали не иначе, как Лаврентий Павлович. Однако, известность не отразилась на собачьем характере, и, вернувшись со съёмочной площадки на собачью, он по-прежнему демонстрировал своё превосходство и нежелание мирно общаться с соплеменниками...

Шелт и Чок со своими хозяевами шли навстречу друг другу, приближаясь с разных сторон к собачьей площадке – полянке на пустыре, где каждый вечер собиралась большая компания местных собачников. «Временщики» – так называли тех, кто выходил на прогулку сразу после того, как начиналась программа «Время» – только что вышли, закурили, травили анекдоты и время от времени посматривали на своих питомцев, резвящихся неподалёку. Те, кто вышел раньше, ещё не ушли, решив принять участие в общем разговоре. Собралось человек пятнадцать. Собачья компания, состоящая в основном из крупных собак – догов, ризеншнауцеров, сенбернаров и немецких овчарок, носилась по поляне с лаем, беззлобным рыком и весёлым визгом.

Шелт появился неожиданно для всех. Его хозяин издали поприветствовал собравшихся, взял собаку за ошейник и, подождав, пока самые пугливые заберут своих любимцев, подошёл к мужчинам. Женщины предусмотрительно отошли в сторону. Кобель, как ни странно, был в этот вечер настроен весьма миролюбиво: не рычал, не пытался вырваться, и даже не обратил внимания на подбежавшего спаниеля. Его хозяин подошёл через минуту и сразу же увидел сидящего Шелта и суетящегося вокруг него Чока. Предчувствуя опасность, он быстро наклонился и взял своего пёсика на руки. В ту же секунду Шелт метнулся и, впившись зубами в спину Чока, выдернул его из хозяйских рук. Реакция хозяина спаниеля была мгновенной – он обхватил шею кавказца, навалился на него сверху и начал душить, надеясь на то, что тот выпустит его собаку. Увидев это, хозяин Шелта набросился на «душителя» и попытался оттащить его от своего пса. Крики, рык, кровь, мат! Все, находившиеся рядом, буквально оцепенели – клубок из двух собак и двух мужиков перемещался по поляне, и невозможно было подступиться, чтобы чем-то помочь. Казалось, этой схватке не будет конца. На самом деле, всё продолжалось не более трёх минут. Кавказец отпустил Чока, его тут же подхватил на руки перепачканный кровью и землёй хозяин. Шелт стоял со своим и периодически потряхивал мордой. Самым пострадавшим в итоге оказался именно хозяин Шелта, которого его же пёс, не разобравшись сгоряча, кто – где, укусил за плечо. Кровь хлестала так, что кому-то пришлось порвать собственную рубашку и перевязать рану. Здоровой рукой хозяин взял своего киногероя за ошейник и, прихрамывая, повёл домой.

Чок, как ни странно, отделался лишь небольшими ранками на спине. Его хозяина, как героя, приветствовала вся компания. Подбежали женщины – сочувственно осматривали дро-

жащего от пережитого ужаса спаниельку и покусанные руки его хозяина. Среди этих сердобольных была и она. Наблюдая сцену сражения издали, она как будто впервые увидела его – довольно высокого, стройного, кудрявого интеллигентного парня. Его обычная бледность сейчас выглядела нездоровой – ещё бы! пережить такое! Она, гуляя со своей собакой, много раз встречала на тропинке эту дружную парочку – не заметить, как пёс предан своему хозяину, и как хозяин самозабвенно любит это весёлое вислоухое создание, было невозможно! А теперь в её глазах он стал ещё и героем!

Уже совсем стемнело. Народ, продолжая бурно обсуждать происшествие, стал расходиться по домам. Чок с хозяином жили неподалёку от её дома, и в этот вечер, как иногда уже бывало, они возвращались с прогулки вместе...

«Я буду называть тебя «Зая», – вдруг сказал он. Зая... Так легко и просто было сказано – «называть – тебя – «Зая»... Нежно, пусть немного банально, но никто раньше так её не называл! Короткое и обволакивающее, будто обнимающее, имя... Зая. Заинька... Ну а он, естественно, Волк! Волчище. Сильный и смелый Волчара!...

...Они стали встречаться каждый день. Утром, перед работой, она забегала к нему на чашку ароматного свежесмолотого и сваренного в турке, по всем правилам, кофе. Он садился напротив, смотрел на неё молча и улыбался. Выкупив после кофе по сигарете, они прощались, целовались у лифта, и вечером встречались снова – на прогулке с собаками...

День за днём: утром – кофе, вечером – прогулка. И бесконечные разговоры о книгах, о музыке, о театре и кино, об искусстве фотографии, прерываясь всё чаще на поцелуи и признания: Зая – самая лучшая, самая красивая, самая умная, самая стильная, самая сексуальная, самая весёлая... И Волчище – никогда свою Заю не обидит, не предаст, не разлюбит. Много смеялись, поддразнивали друг друга, пели песни – бардов, эмигрантов и запрещённых в своё время, «отсидевших» Звездинского, Новикова и прочих. Любимую – «Поручик Голицын» – пели чаще всего, с нескрываемым удовольствием, жестикулируя, выпевали куплеты тёплыми летними вечерами...

Они договорились встретиться после её занятий на курсах итальянского языка, часов в девять вечера. Она вышла из здания на десять минут позже. Шёл проливной дождь. Зонта нет. Очумевшие струи затекают за шиворот, заливают глаза. Босоножки уже не ощущаются на ногах. Терпеливо прождав его полчаса на автобусной остановке, она попыталась поймать такси – бесполезно! Решила позвонить – вдруг что-то случилось?! За время бесконечного ожидания – десять гудков! – передумала всё: разминулись, потерял записку с адресом, обиделся, разлюбил... Вдруг – уже не ожидаемый и какой-то незнакомый голос:

- Алло...
- Ты где?
- Дома.
- Что случилось?
- Приезжай, мне плохо... Дверь не заперта...

Через 40 минут она, не дожидаясь лифта, взбегает на девятый этаж, видит приоткрытую на лестничную клетку дверь: в комнате темно, свет горит только в кухне. Тишина такая, что звенит в ушах! Трудно поверить, что в квартире кто-то есть... Он лежал на диване, скрючившись, и не подавал признаков жизни. Ей стало так страшно, что невозможно было сделать и шага! Окно было закрыто, и запах в комнате стоял какой-то странный. Сразу стало душно, по спине, еще мокрой от дождя, побежали струйки пота. С трудом преодолевая расстояние в несколько метров, ступая на цыпочках, она подошла к дивану. Он лежал с открытыми глазами и еле слышно дышал...

- Что с тобой? – спросила шёпотом.
- Я не хочу жить...
- Что случилось?!

- Ты меня не любишь...
- Кто тебе это сказал?!
- Я это чувствую...

«Господи, что я делаю, зачем мне это нужно? – пронеслось в мыслях, – Я же замужем, у меня ребёнок! Ну и что, что отношения с мужем давно испортились, но у нас же семья! Должна быть... Да, мне было с ним интересно – он меня слушал, понимал, интересовался моими делами, говорил комплименты, дарил цветы, готовил кофе по утрам, встречал после работы на автобусной остановке, приносил книги ребёнку – ну и что?! Это совсем не значит, что я должна почти в полночь сидеть с мнительным, хандрящим, жалким и абсолютно пьяным или обдолбанным мужиком, утешать его и убеждать в том, что я его люблю!!! Да не люблю я его! И не любила никогда!» Но вслух повторила:

- Кто тебе это сказал?

Вдруг он поднялся, огляделся, как будто видел свою комнату впервые, и резко ударил локтем по висевшей в рамке над диваном собственной фотографии. Осколки стекла посыпались на диван, по руке потекла кровь. Он посмотрел на окровавленный локоть, усмехнулся и пошёл к окну. Около окна висела ещё одна фотография – осенний пейзаж: яблоня почти без листьев, несколько яблок на ветвях, вдалеке лес, полуразвалившийся домик. Он ударил головой по стеклу, поранил лоб. Потом, с треском распахнув раму, с неожиданной для его состояния прытью, вскочил на подоконник и попытался прыгнуть вниз. Откуда у неё появились силы, чтобы удержать его – не понятно. Но она его удержала. Она кричала, просила, умоляла, убеждала и обещала, что «всё будет хорошо»! Он вырывался, выдёргивал руки из её рук, отмахивался, рыдал, слёзы смешивались с кровью на щеке. Он сопротивлялся до тех пор, пока не выбился из сил и не рухнул на пол почти без чувств... Почти без чувств была и она. Пусто в голове. Пусто в сердце. Никаких мыслей... Закрыла окно. Укрыла его, уже спящего на полу, одеялом, захлопнула входную дверь и медленно пошла вниз по лестнице...

День, месяц, год – без любви. Сердце скукожилось, душа высохла, чувства выхолощены... Вся – стерильная, пустая, свободная... Как цветочная ваза с застаревшим, присохшим на стенках осадком от роскошного когда-то букета... День без любви – год, вычеркнутый из жизни... Экономия сил, средств и чувств: автобус – даже если ехать одну остановку, смс – без заглавных букв и знаков препинания, чай – в пакетах, лицо – без макияжа, улыбка – дежурная...

Наклонилась над столом, потянувшись за сигаретой. Мелодично звякнул о край бокала кулон. О! – ещё один предмет для ломбарда! И цепочка... Простое плетение, сложная взаимосвязь... Цепочка дней, ночей, воспоминаний, ассоциаций. От первого звена к последнему – всё связано, выстроено, соединено замочком. Звенья можно перебирать как чётки, произнося молитвы-заклинания-заговоры, шептать и кричать, смеяться и рыдать. Твой подарок – моё отречение. Моё отчаяние. Моё облегчение...

Зазолотятся звенья пузырьками в очередных «Львах Голицыных» и «Корнетах», волшебным градусом заиграют в «Игристом», порадуют глаз в «Золотой коллекции», затуманят голову «Советским», всплывая, развеют тоску «Надеждой», околдуют «Mondoro» и испарятся из памяти...

- «Сколько там у нас осталось?»...

Игра в жизнь

Телефонный звонок раздался в четыре часа дня.

– Ну что, тебя уже можно поздравлять? Родился? – голос бывшей жены был как всегда бодр и энергичен.

Николай, ругнувшись одними губами, вяло ответил:

– Да вроде как родился, поздравляй.

Из трубки полилась длинная поздравительная речь с огромным количеством пожеланий абсолютно невыполнимых вещей – здоровья, хорошего настроения, найти хорошую работу, много денег и ещё чего-то, в таком же духе. Терпеливо выслушав жену, Николай вдруг зашмыгал носом и робко, как-то по-бабы, произнёс:

– А дата-то какая! Пятьдесят! Мне даже страшно! – голос его сорвался.

– Да ладно тебе! Мне тоже через два года полтинник стукнет. И что? Жизнь не заканчивается. Меньше спать, меньше пить, меньше курить и, знаешь, сколько ещё можно всего успеть?!

Здоровый оптимизм бывшей не радовал. Наоборот, настроение ухудшилось, и он поспешил попрощаться.

Положив трубку, сел на кровати, нащупал ногами тапочки, откинул с лица длинные, спутавшиеся волосы и обвёл глазами свою небольшую комнату. Она досталась ему после развода и размена их «двушки». За два года, что он жил здесь, он сумел превратить квартиру из хоть и небольшой, но уютной, в захламлённую, почти под потолок заваленную разнокалиберными коробками и коробочками – не то сарай, не то гараж, не то бомжатник. Чего там только не было! Провода, старые автомобильные шины, сломанные настольные лампы, пустые банки и бутылки, пакеты из-под молока и соков, рваные целлофановые пакеты, грязная одежда, доски, кирпичи. Всё это «богатство» висело на вбитых прямо в стены и дверные косяки гвоздях, на натянутых из угла в угол бельевых верёвках, лежало в коробках, высыпалось из них, и так и оставалось не убраным. Стены украшали разного размера листки и листочки с номерами телефонов и адресами магазинов, аптек, поликлиники, РЭУ, автосервиса, друзей и случайных знакомых. Листочки эти крепились прямо к обоям скотчем, кнопками или попросту жвачкой. Дневной свет из единственного окна почти не проникал в комнату – оно было заклеено газетами (видимо, жалюзи, висевшие на окне на момент покупки этой квартиры, показались будущему хозяину ненужной роскошью). Поэтому не понятно было, какое в настоящий момент время суток – то ли утро, то ли вечер. Будильник давно сломался, да и спешить ему было некуда: работы не было, а круглосуточный магазин, в случае чего, находился в ста метрах от дома.

Николай не спеша поднялся, шаркая по давно не мытому полу, прошёл на кухню, включил чайник и стал одеваться. Выпив кружку дешёвого растворимого кофе, закурил и потянулся к мобильнику. Его Nokia, купленная на последнюю зарплату, мигала «конвертиком», сообщая о пришедшем смс: «Привет, мой хороший! Поздравляю с ДР! Хоть 40 лет и не отмечают, но я всё же выпью бокал шампанского за твоё здоровье после работы. Обнимаю!»

Николай улыбнулся и закурил следующую сигарету...

Несколько месяцев назад друг посоветовал ему познакомиться с какой-нибудь женщиной: «Ну, сколько можно холостяковать? Десять лет уже без жены! Найди кого-нибудь, всё веселее будет жить! И по хозяйству с женщиной проще управляться будет, и приготовит она тебе, и постирает, ну, и для здоровья, опять же...» Николай не сразу отреагировал на призывы друга – любое усилие, которое необходимо было сделать над собой, изначально вызывало у него чувство протеста и тоски. Да и где знакомиться? В винном отделе? На заправке? Но однажды, случайно узнав о службе знакомств через смс, он решил попробовать этот, самый для

себя «ненапряжный», вариант. Отправил запрос с текстом: «Мужчина без вредных привычек познакомится с девушкой от 25 до 30 лет для серьезных отношений». В течение часа ему было прислано несколько вариантов встречных объявлений, из которых он решил выбрать только одно, чтобы не дай Бог, не запутаться. Одна кандидатура была отмечена сразу – девушка была из Иваново, да ещё с двумя детьми. Какая уж тут могла быть помощь по хозяйству? Вторая была хоть и свободной москвичкой, но носила очки. А к очкарикам Николай относился необъяснимо-настороженно. Третье объявление показалось ему оригинальным и многообещающим, и сподвигло его к решению выбрать именно эту незнакомку: «Рыжая симпатичная колдунья станет в добрых руках мужчины до сорока лет волшебницей». Получив у оператора её личный код (телефонные номера эта служба не предоставляла), он отправил ей первое смс: «Здравствуйте, Рыжая колдунья! Надеюсь на Ваше доброе расположение духа сегодня и предлагаю познакомиться. Мне 39 лет, разведён, добрый, отзывчивый, творческой профессии, с чувством юмора». Он закурил, налил ещё кофе и, неотрывно глядя на дисплей телефона, стал ждать ответа. Смс пришло довольно скоро: «Привет! Меня зовут Валерия. А Вас?»

Весь остаток дня они переписывались, пытаясь узнать друг о друге как можно больше: рост, вес, цвет глаз и волос, привычки, интересы. Слова перемежались огромным количеством смайликов, вопросительных и восклицательных знаков. Валерия сообщила о себе, что ей 24 года, у неё длинные вьющиеся волосы и зелёные глаза, что она работает в школе, преподаёт английский и французский языки, играет на гитаре и рисует в свободное время. Любит кино, современную литературу и клубничное мороженое. Замужем не была, был парень, с которым она встречалась с восьмого класса, они мечтали пожениться, но три года назад он погиб – попал в ДТП. С тех пор она ненавидит автомобили и не ездит даже на такси.

Информация, обрушившаяся на Николая, и явный интерес к виртуальной собеседнице, немного встряхнули его и даже заставили чаще выходить из дома – чтобы положить деньги на телефон. Переписка с Валерией обернулась для него бессонными ночами и дополнительными литрами спиртного, которое, как ему казалось, стимулировало его красноречие и фантазию. И то и другое было ему необходимо, так как последние несколько лет круг его общения ограничивался тремя-четырьмя друзьями и автослесарем, который постоянно ремонтировал его старенький автомобиль. И хотя любимый BMW Николая больше стоял, чем ездил, он относился к нему очень трепетно и мог рассказывать о нём часами. И даже несмотря на нелюбовь Валерии к машинам, он регулярно писал ей про свой «Бумер», начиная с истории его покупки и заканчивая постоянной проблемой с бензонасосом, а также заверял, что когда они встретятся и она сядет рядом с ним в его авто, ей будет совсем не страшно.

Шли недели. Написание и ожидание смс настолько захватило Николая, что он практически перестал звонить друзьям и матери, не говоря уже о бывшей жене, с которой до этого знакомства созванивался регулярно.

– Лерочка, я проснулся. Ты где?

– Наконец-то! Вообще уже пятый час)). Я вернулась с работы, готовлю ужин.

– А что готовишь? В гости можно?

– Пытаюсь изобразить блинчики с мясом и овощной салат. А на сладкое мороженое)) Ты хочешь в гости? Милости просим))

– Ух ты-ы-ы-ы! Аж слюнки потекли! Но, к сожалению, в гости сегодня не успею. Надо бежать на репетицию.

– У вас скоро концерт?

– Ну да, я же говорил тебе, в Рузе. А ты что будешь делать вечером?

– Проверю тетради, потом что-нибудь прочитаю. Ну, давай, пока, а то блин сгорит))

– Пока, Рыжая! Обнимаю!

Отключив телефон, Николай шёл на кухню, доставал из холодильника бутылку «Русского стандарта», наливал рюмку и выпивал. Вместо закуски делал глоток воды, брал сигарету, включал телевизор и ложился на кровать. Спустя час всё повторялось.

Через три месяца в текстах смс как-то само собой появилось новое слово – «целую». Предложения приехать к Валерии в гости постоянно повторялись, но, как всегда, «репетиции» или «концерт» мешали осуществлению планов. Тогда Николай придумал игру: как будто они живут вместе, но работа в разное время не даёт им возможности видеться.

– Лерик, ты, когда придёшь с работы – загляни в морозильник, я купил твоё любимое мороженое. Свою порцию я уже съел и умчался на работу. Целую. Твой Ник.

– О, дорогой, тронута твоей заботой! Когда вернёшься? Наверное, я не дождусь тебя, лягу спать. Так что заранее говорю – спокойной ночи!

Валерия охотно включилась в эту игру и, порой, своими посланиями ставила Николая в тупик:

– Дорогой, я купила новое платье. Пришлось занять деньги. Ты не мог бы мне немного помочь финансово? Можешь перевести на карту. Платье дорогое, конечно, но безумно красивое! Тебе понравится. Думаю, что в ресторан с тобой я пойду именно в нём.) Ты ведь приглашишь меня в ближайшее время? Ты обещал.

– Лерусь, ты серьёзно? Я не пойму!

– Ну во-о-от! Взял и всё испортил...

– Ты даё-ё-ёшь!!! А знаешь, я придумал тебе новое имя – Ри. Как тебе?

– Ри? Почему так?

– ВалеРИя – ВалеРИ – РИ.

– А что? – здОрово! Я согласна! А ты останешься Ником. Просто – Ник. Хотя, конечно, двусмысленно, да? Ник – это как псевдоним. А, может быть, «Николай» – это твой ник?))

– Нет, Ри, это моё настоящее имя.

Ежедневная переписка уводила Николая всё дальше от реальности. За туманом выпитого в перерывах между смс, он совершенно потерял ориентацию и во времени, и в днях недели. И только сейчас, после поздравления с Днём рождения, сообразил, какое сегодня число...

... Чёрным квадратом давило окно. Николай сидел без света, только экран телевизора освещал белесо-голубым цветом угол комнаты, где стояла кровать. Рядом, на журнальном столике стояла рюмка, недопитая бутылка «Русского стандарта», дымился в пепельнице не затушенный окурок. Щёлкнув пультом, он, не раздеваясь, лёг. Голова кружилась от выпитого, от духоты и от навалившейся темноты. «Пора спать», – подумал, положил под подушку мобильник и очень скоро заснул...

... На первом этаже обветшалой пятиэтажки в Волгограде, в инвалидном кресле сидела седая, бледная, с морщинистым лицом шестидесятисемилетняя женщина и изуродованными давним артритом пальцами набирала смс – «Спокойной ночи, Ник! Целую».

Nina Ricci

За несколько дней до наступления любимого весеннего праздника женщин – Восьмого марта – Инна решила сделать в квартире генеральную уборку. За семь лет супружеской жизни все её действия и их последовательность были тщательно отработаны и доведены почти до автоматизма. Окна, кафель, плита, полы, ковры, мебель, разнообразные аэрозоли, жидкости и пасты, полироль... Всё делалось с лёгкостью и даже с каким-то азартом. Завершающим этапом всего процесса, как обычно, было любимое пианино. Пыли на нём не было, так как Инна вытирала её ежедневно, перед тем как садилась за инструмент сама или занималась с маленьким сыном. В этот раз она решила протереть пыль за нижней доской, закрывающей деку. Отжав планку, вынула доску и обнаружила за ней свёрток. Через несколько слоёв газеты прощупывалось что-то твёрдое. Инна развернула газету и увидела две коробочки духов Nina Ricci. Первое чувство радости – вот какой шикарный подарок получит она на праздник! – сменилось смущением от того, что случайно «рассекретила» тайник мужа и теперь придётся изображать удивление – «неужели это мне?!» Она быстро завернула коробочки и положила их на место. И тут другая мысль, от которой у неё буквально подкосились ноги и задрожали руки, заставила её вновь взять свёрток: «А кому же вторые духи?» Инна села на диван и попыталась успокоиться: «Может быть, маме? Она собиралась к нам в гости восьмого». Но её любимый Толик прекрасно знал, какие духи любит тёща. О том, что у мужа появилась любовница – а кому же ещё можно дарить такие подарки! – она боялась даже подумать. Однако, эта мысль казалась ей всё более реальной и убедительной. Сердце колотилось со страшной силой, слёзы капали на газету, в голове молотом стучало: «Любовница! У него есть любовница! И как он только посмел купить ей и мне одинаковые подарки!»

Женщина долго сидела неподвижно, глядя на свою находку. Наконец, она встала и решительным шагом направилась в спальню: «Ну, ладно! Получит она у меня духи!» Через несколько минут Инна вернулась с двумя флаконами. Один был пустой, из-под закончившихся недавно духов «Может быть», второй – начатый недавно одеколон «Шипр», которым её муж пользовался для протирки каких-то деталей. Ножом она аккуратно вскрыла целлофановую упаковку, достала духи и с помощью сломанной спички перелила их в пустой флакон. Затем таким же способом налила в освободившийся флакончик из-под Nina Ricci одеколон, вложила в коробку, запечатала целлофан, завернула обе коробки в газету, положила на место и вставила доску. Абсолютно довольная результатом, даже напевая что-то, отнесла в спальню «францию» в польском пузырьке и поставила на тумбочку. «Если повезёт, восьмого у меня будет в два раза больше Nina Ricci!», – произнесла со вздохом и отправилась в магазин.

Вечером Инна встретила мужа спокойно, с улыбкой. Но, подставляя щёку для поцелуя, принялась – нет ли чужого запаха? Нет, Толик благоухал своим любимым Fahrenheit.

Все оставшиеся до праздника дни она прислушивалась к телефонным разговорам мужа, пристально наблюдала за его поведением, с особой тщательностью осматривала рубашки, выискивая доказательства своих подозрений, ежедневно после его ухода на работу проверяла – на месте ли свёрток.. Но свёрток лежал там же, звонки были от друзей, муж вёл себя обычно, следов от губной помады на рубашках не обнаруживалось, да и ночами ей не приходилось скучать.

Женский праздник для Инны начался рано утром. Толик разбудил жену нежным поцелуем и с гордостью преподнёс жёлтую коробочку, которая тотчас же, с нарочито выраженным восторгом, была Инной распечатана. В подаренном ей флаконе оказались духи! «Если завтра второй коробки не будет на месте, значит, есть любовница!» Однако и на следующий день, и через день, и через неделю вторые «духи» по-прежнему находились в недрах пианино. А Инна по-прежнему принималась, присматривалась, прислушивалась...

Через две недели у Инны был день рождения. С раннего утра она хлопотала у плиты, жарила, резала, смешивала, украшала, накрывала стол в ожидании гостей. Муж пришёл с работы раньше обычного – удалось в честь дня рождения жены договориться с начальством. С порога – вручил букет гвоздик, прошёл в комнату и через минуту вышел, держа в руке... жёлтую коробочку Nina Ricci: «Вот, поздравляю! Ходи душистой!» – улыбнулся. Инна настолько растерялась, что не знала что и сказать: «А-а.. ты же недавно.. уже дарил мне такие...» – «Ну так пусть будут! Про запас. Ты же знаешь, у меня нет времени по магазинам бегать, в очередях стоять. А тут нам на работу принесли несколько коробок, вот я и взял сразу две..», – начал было объяснять Толик, но в этот момент Инна повисла у него на шее и заплакала: «Как же я тебя люблю!»

Шуба

– И-ир? Привет. Шубу продаю. Норка, не дорого. Наш размер. Тебе не предлагаю, знаю – не разбогатела ещё. Может быть, спросишь там у себя на работе? Ты в доле.

Ленка в свойственной ей телеграфно-деловой манере вывалила информацию и, казалось, даже не ждала ответа.

– Лен, какая шуба?! Весна через месяц! И вообще, я ещё сплю. Давай попозже.

Ирина шмякнула трубку городского телефона на тумбочку и, завернувшись поудобнее в одеяло, отвернулась к стенке и закрыла глаза. «Чёрт, будильник ещё не прозвонил, а ей не спится!» – подумала с раздражением. Поняв, что заснуть уже не получится, встала и, накинув тёплый махровый халат, с полузакрытыми глазами поплелась на кухню. Включила чайник, телевизор, компьютер, поставила на зарядку мобильник и пошла в ванную...

С Леной они познакомились случайно. Ветеринарша, лечившая на дому Ирину собаку, предложила однажды съездить к её давней знакомой, которая регулярно возила и продавала одежду из Европы. Тогда, после глобального исчезновения «комиссионки» в годы перестройки, только начали появляться магазинчики «Second Hand», заваленные в основном второсортными товарами из Польши. Поэтому место, где продавались вещи, привезённые из Швеции, Англии и Германии, которые, к тому же, можно было рассмотреть и померить в домашней обстановке – не спеша, с чувством, с кайфом покрутиться перед огромным зеркалом, а потом на кухне с удовольствием попить чай-кофе, а иногда и кое-что покрепче, конечно же, притягивало огромное количество желающих. Да и цены там были вполне щадящие. Но главное, что привлекало покупательниц, а это, конечно же, были женщины разных возрастов и комплекций, так это – хозяйка дома, Лена – общительная, гостеприимная хохотушка, принимавшая живейшее участие в этом примерочном ажиотаже. Обладая завидной интуицией и умением оценить не только размер кошелек и социальный статус любительниц эксклюзивной одежды, но и их человеческие качества, она постепенно оставила в списке своих «постоянных покупательниц» человек двадцать, но одновременно собирала в своей небольшой квартирке не более пяти женщин. Так и общаться проще, и советами друг друга не замучают, из-за размера не повздорят, да и за кухонным столом разместиться смогут. Лена по специальности была дизайнером одежды, когда-то работала в ателье, шила на заказ навороченные модели, но потом решила, что пора открывать своё дело. «Челночила», как многие в то время, сдавала на реализацию польский трикотаж. Зарабатывала. Но вскоре клетчатые «сумки-нищенки» настолько надоели, что она решила нанять на работу людей, которые бы ездили в Европу и привозили ей прямо домой одежду, купленную там на распродажах. Все товары были отличного качества, аккуратно уложены в коробки или мешки, и, что особенно ценно – ещё не вышли из моды. Так что купить недорогую, модную вещь, пусть даже на один сезон, позволить себе могли почти все её клиентки. Некоторым, давнишним знакомым, она иногда давала рассрочку. Единственно, что не разрешала – менять вещи или возвращать.

Лену любили все. К ней ехали как на праздник. С ней можно было просто поговорить – обсудить что-то, пожаловаться на жизнь, на мужа. А поводом и «провокатором» подобных жалоб был Вася, с которым Лена жила вот уже несколько лет и всё никак не решалась зарегистрировать брак. Вася вызывал восхищение и зависть всех женщин, кто хоть раз побывал в их доме. Имя Васи, упоминалось в разговорах всякий раз, с трепетом в голосе, когда речь заходила о «козлах-мужьях» и когда надо было сравнить или сделать вывод – «Это ж не твой Вася!». Ленка кокетливо хихикала, говорила, что «это он только при вас такой, на самом деле такой же лодырь и неряха, как и все мужики; зарабатывает мало, то телевизор часами смотрит, то с компьютером в преферанс играет, и вообще – толку от него никакого!». Но все-то видели совсем другого Васю! Васю, который встречал каждую пришедшую женщину с улыбкой, Васю, кото-

рый называл Лену только «Леночкой» и «Ленусиком», Васю, спрашивающего каждую даму, даже ту, которую он видел в первый раз, что ей приготовить – кофе или чай? Крепкий? Сладкий? С лимоном? Вася бегал в магазин по нескольку раз за вечер, так как Лена могла, увлекшись тряпочными вопросами забыть, что дома нет то хлеба, то сахара. То посылала за шампанским, на радостях, если было куплено много товара и возбуждённые покупательницы никак не могли уйти, и, не переставая, обсуждали приобретённые обновки, советовались – что и с чем лучше носить. Вася реагировал на любую прихоть, любой каприз «любимого Ленусика». Ленкины подружки и клиентки призывали Васю, когда нужно было померить мужской свитер пятидесятого размера: его просили повернуться, поднять руки, похлопывали по накачанной спине и удовлетворённо улыбались, представляя в этом свитере кто сына, кто брата, кто – мужа. И были уверены, что свитер этот будет сидеть на них так же ладно и складно.

Однажды Ирина заехала к Лене покопаться в очередной порции товара и с удивлением обнаружила на комодке свадебную фотографию в красивой рамке. Ленка в шикарном кремовом платье с длинными, широкими гофрированными рукавами выглядела как райская птица! Копна рыжих вьющихся волос была украшена белой розой. (Она вообще обожала розы – её гордостью была розовая аллея на даче из ста двадцати кустов. И все эти кусты покупал, перевозил, подрезал и поливал Вася.) На фото Вася в строгом чёрном костюме выглядел таким счастливым, каким может выглядеть только любящий и любимый человек. И, глядя на эту пару, хотелось улыбаться и верить в то, что такими они будут всегда.

– Ле-на! Поздравляю! Как здорово! Я так рада за вас! – Ирина аж запрыгала на месте. – С меня подарок!

– Ну да, спасибо. Вот, решила через восемь лет, – немного смутившись сказала Ленка. – Да не надо подарков, всё у нас есть. А сувенирами только квартиру захламлять, и так тесно. Если деньги лишние есть – себе лучше что-нибудь купи...

... Ирина наслаждалась, стоя под струйками тёплого душа, и размышляла о том, что же заставило Лену позвонить ей в такую рань, и почему она заговорила о шубе. «Халат, кстати, тоже от неё. Спасибо, что уговорила купить тогда, а то я всё сомневалась – велик, не велик? Не велик! Тепло и уютно», – сама с собой разговаривая, заварила кофе и потянулась к телефону.

– Лен, я проснулась. Что ты там про шубу говорила? Почему продаёшь?

Ленка молчала.

– Эй, ты слышишь меня?

– Ириш, ты помнишь, Вася говорил мне, какая я красивая в этой шубе? Как он радовался, когда я её купила!... Теперь я не могу на неё смотреть. Мне больше никто не скажет, какая я... красивая... в этой шубе... Вася умер...

Сладчайший

Митя Сладких был в 80-е годы весьма известной личностью среди московских ресторанных музыкантов. Приехал в столицу из небольшого украинского городка, и каким-то непостижимым для многих образом довольно скоро попал на одну из самых в то время денежных работ – устроился музыкантом в ресторан. И в скором времени слава о «новом» гитаристе распространилась по всей Москве. Его наперебой приглашали не только руководители музыкальных коллективов, но и сами директора ресторанов не считали для себя зазорным предложить ему работу.

Музыкант-самоучка, не зная даже нотной грамоты, он с детства по слуху подбирал на полуразбитой гитаре, обклеенной переводными картинками с изображением красавиц, аккорды – да и какие там могли быть особенно сложные аккорды в «подъездных» песнях? – все в ми миноре, плюс «барре» в левой руке, «восьмёрка», «бой» или «переборы» – в правой. Среди местных пацанов Митя пользовался особым уважением, а для девчонок парень с гитарой был поводом для разборок и ревности.

Отучившись в местной школе положенные десять лет и честно отслужив два года в рядах Советской Армии, Митя, едва ли не в первый же месяц после возвращения домой, прихватив гитару – уже новую, подаренную отцом с матерью по случаю демобилизации, рванул в Москву. Первое время мыкался по съёмным квартирам, расспрашивал, разведывал обстановку – что да как сейчас в Москве играют и слушают. И, тщательно обдумав и взвесив свои возможности и амбиции, решил срочно подогнать под нужный уровень свой репертуар, чтобы было с чем себя показать. Он давно уже наметил место, где можно заработать неплохие деньги и, объединив свои силы и средства, собранные для него многочисленной украинской роднёй «на первое время», начал терпеливо и методично двигаться к цели. Экономя на еде, покупал у спекулянтов пластинки, кассеты с записями гитаристов-мировых знаменитостей, и часами слушая и тут же проигрывая, повторяя много раз одну и ту же мелодию, «снял» по нотке, по аккорду, по пассажи, доводя своё исполнение до определённого совершенства. Конечно же, помогли месяцы, проведённые в составе солдатского ансамбля, где помимо обязательных строевых и военных песен, разучивались – для себя, для души – мировые шлягеры.

Однажды сосед Мити по коммуналке услышал доносящуюся из его комнаты красивую мелодию, ритмически напоминающую испанскую. Мелодия повторялась несколько раз, сменялась другой и снова возвращалась. Сосед постучался в дверь, и, не дожидаясь ответа, вошёл в комнату.

– Ты играешь? – удивлённо спросил. – А что это? Что-то знакомое, не могу вспомнить.

Митя, ничуть не смущённый вторжением, ответил:

– Пако де Лусия. Знаешь такого?

Слово за слово, завязался разговор. Оказалось, сосед работает официантом в ресторане на окраине Москвы. Послушав Митю около часа, уходя, уверенно заявил:

– Завтра вечером приходи к нам в ресторан, познакомлю с музыкантами – они как раз гитариста ищут. Может быть, понравишься.

Так следующий вечер стал началом Митиной карьеры.

За несколько лет он сменил десятки ресторанов, каждый раз увозя за собой из предыдущего места своих почитателей. С каждым разом рестораны становились всё престижнее, категории статуснее, этажи выше. Но Митя не переставал делать всё возможное, чтобы зарабатывать как можно больше. Он работал и в выходные – играл на свадьбах, покупал и сдавал в аренду дорогую аппаратуру, постоянно менял гитары на более дорогие, фирменные – с хорошим инструментом больше шансов устроиться в хорошее место. А «хорошим» считался ресторан, где, несмотря на незаконные часы закрытия – чаще всего в 23.00, договорившись с метр-

дотелем, можно было часок-другой поиграть для неутомной публики на заказ. Это и был основной заработок. Часть денег Митя, как примерный сын, отправлял родителям, но большую часть вкладывал «в музыку». Ну, и, конечно, довольно скоро вынужден был обзавестись автомобилем – инструмент, усилители и колонки надо было на чём-то перевозить. Раздолбанный «Жигуль» в его умелых руках вскоре стал вполне презентабельным, а главное – безотказным.

Примерно через пару лет Митя женился на кругленькой, румяной, с обворожительными ямочками на щеках, девушке Тане, с которой познакомился на одной из свадеб. Она была подружкой невесты. На их с Митей свадьбе, шумной и весёлой, присутствовали лучшие музыканты из лучших ресторанов, приехала вся его украинская родня – с салом, яблоками, помидорами, подарками, с немереным количеством горилки. Молодожены, не замечавшие никого вокруг, с обожанием смотрели друг на друга. Митя, впервые за долгое время, находясь в ресторане, не сидел на сцене. И единственный раз, в конце вечера, взял гитару и, сев рядом с невестой, спел её любимую «Michel»...

Жизнь налаживалась. Митя из съёмной комнаты переехал в Танину однушку в Люберцах и продолжал самозабвенно работать. В свободное время пропадал в гараже, доставшемся Тане в наследство от деда: доводил до ума подержанный 123-й Мерседес, сменивший «Жигулёнка» – что-то в нём менял, подкручивал, шпаклевал, красил, шлифовал. Таня, которую Митя называл «моя Танюха», оказалась хорошей хозяйкой – без устали наводила в доме порядок, пекла пироги, консервировала – баловала, чем могла своего Митюшу. Через год родились близнецы – щекастые и горластые Маша и Витя. Танюша немного располнела, но похорошела. И, несмотря на новые заботы и дополнительные хлопоты, на бессонные ночи – не расслаблялась, всё держала под контролем, а точнее – всё взвалила на себя. На жизнь не жаловалась: Митя её любил, приносил домой деньги, не считая, мятой кучей запихивал в деревянную шкатулку и никогда не требовал отчёта – сколько и на что тратила жена. Приходил часто поздно ночью, порой под утро, когда дети уже просыпались. Поиграет с ними часок, погремил погремушкой и – спать. До обеда. В обед наведёт тарелку борща с пампушками, чмокнет раскрасневшуюся от счастья, что угодила мужу, Танюху, и уедет по делам – то запчасти для машины купить, то новую гитару посмотреть, то деньги за прокатную аппаратуру собрать. А потом – на работу.

Везде, где бы Митя ни работал, его любили. Музыканты, повара, официанты, посетители. Да и как можно было не любить обаятельного, статного, улыбочивого молодого парня с пружинистой кудрявой шевелюрой! Митя не курил, не пил. Даже когда гости приглашали музыкантов за столик, что, кстати, категорически запрещалось, у него была самая не обидная отговорка – «Пью только чай. Сладкий». Так и получил своё прозвище – «Слад-чай-ший».

Сладчайший, конечно же, при своих внешних данных и таланте, не был обделён и женским вниманием. Не было вечера, чтобы хотя бы одна дама не отделилась от компании и не подошла бы к сцене с просьбой что-нибудь исполнить специально для неё. Часто за подобными просьбами скрывался и другой интерес. И Сладчайший играл и пел, всё – от эмигрантского псевдо-шансона и тюремной блататы до Эрика Клэптона и Джона Махавишну. Публика, знающая весь его репертуар, исполнявшийся после официального закрытия заведения – на заказ, ревела от восторга, когда Митя брал гитару, подходил к микрофону и пел на полном серьёзе: «Поспели вишни в саду у Махавишны», сопровождая песню немислимыми по сложности пассажами. И уже на следующий день песня, переименованная им, гуляла по сценам московских ресторанов с комментариями: «А Сладчайший-то, знаешь, как вчера спел?» И пытались повторить. А он в этот вечер уже смешил публику чем-то новым – типа, что в послышке тётке Хае из Шанхая «три китайца красят яйца». И повторяли. Но вот стиль, технику и эмоции Сладчайшего воспроизвести не могли.

Маша с Витей росли, развивались по всем законам педиатрии – прививки, зубки с температурой, воздушные ванны, сидение в подушках, ползание по манежу, первые шаги по тесной квартире, слёзы и обиды, весёлые потасовки, размазанная по щекам каша, сломанные игрушки.

Режим общения с папой оставался прежним – один-два часа утром. И режим общения Тани с мужем не менялся – встречи с работы глубокой ночью, поздний ужин, иногда переходящий в ранний завтрак, обед с пирогами и после завершения бесчисленных и бесконечных дневных дел – короткий сон калачиком на диване.

Заканчивались три декретных года, но Танюша не хотела отдавать детей в детский сад – дети были здоровые, чистенькие, ухоженные, улыбочивые, нарядные. Они уже знали некоторые буквы, рисовали, разучивали с мамой короткие стихи и простенькие танцы с притопами и прихлопами. Днём малыши гуляли в ближайшем парке или возились со сверстниками в песочнице у дома. Таня не могла нарадоваться на близнецов! Да и Митюшу своего любила – ни единого слова упрека не слышал он от неё за все годы. Да и за что было упрекать? Мужик деньги зарабатывал, ни в чём не отказывал, не пил, не гулял. Конечно, она предполагала, что на такой работе у него могли быть какие-то мимолётные увлечения, флирт, даже обнималки с поцелуями допускала. Но чтобы изменить – это не про него! И, зная о том, что он частенько подрабатывал, подвозя кого-то по пути – а там кто только не садился в машину! – не допускала даже мысли о возможных соперницах, пусть даже моложе и красивее её! Танюша изо всех сил старалась быть для мужа самой лучшей! Он никогда не видел жену в растянутой кофте, в полинявшем халате, с растрёпанными волосами. К его приходу – во сколько бы он ни вернулся – она принимала душ, меняла бельё, вместо «рабочей» одежды одевала что-нибудь нарядное. Лёгкий макияж, две капли духов, свежевывмытые расчёсанные волосы – и она готова к встрече любимого мужа...

Однажды вечером, когда дети давно уже были накормлены, выкупаны и уложены, а Таня в ожидании мужа занималась уборкой, в дверь позвонили.

Отодвинув ведро с водой, держа в руке тряпку, она открыла дверь. Две девушки – блондинка и брюнетка, лет двадцати стояли за порогом. Взглянув на женщину в ситцевом халате и с растрепавшейся причёской, переглянулись. Выглядели они так, как принято говорить, «будто сошли с обложки модного журнала».

– Вам кого? – спросила, улыбнувшись, Таня.

– Митю, – ответила блондинка.

– Дмитрия, – поправила брюнетка.

– А он на работе. Его в это время ещё не бывает дома, – дружелюбно продолжала Таня.

Девушки синхронно смерили её презрительным взглядом, не упустили из виду ничего – ни тряпки в её руке, ни оторвавшейся нижней пуговицы на халате, ни отсутствия кольца на безымянном пальце.

– А ты... Вы кто ему? – с вызовом спросила блондинка.

– Я – жена, – гордо и уверенно ответила Таня, стараясь скрыть наплывающее волнение.

– Же-на-а? – девушки опять переглянулись. – Не понимаю! Вот из-за такой жены, – блондинка сделала ударение на слово «такой», – Сладчайший отказывается от таких как мы! – снова выделив голосом «таких», взглянула на подругу, как будто разговаривала только с ней.

– Каких это «таких»? – положив тряпку на пол, чтобы выиграть несколько секунд и справиться с волнением и страхом, тихо спросила Таня. – Если отказывается, значит, я – лучше. А кто вы – ему? Случайные попутчицы? Ресторанные гуляки? Путаны? Что вы сделали для него лично? Вы о нём заботились? Ночами не спали, ждали? Рубашки стирали? Утешали словом? Навещали в больнице с бульончиком и паровыми котлетками? А, может быть, вы ему детей родили? Вон, загляните в комнату – двое умненьких, красивых сопят в четыре дырочки! Это его дети! Наши! На халат мой смотрите? Оцениваете? А вы с тряпкой – в этих выпендрёжных платьях по полам ползаете? Или вы вообще не знаете, как это делается? Посмотрела бы я на вас без штукатурки, да после того, как повкалываете с моё!.. А вы его любили так, как я? Что молчите?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.